

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ КАНТА

Говорить о Канте — большая честь. И радость приобщения к интеллектуальному и нравственному богатству. Тем более, что речь должна идти о ценностях, необычайно близких русской духовной культуре. Я имею в виду, разумеется, не формальную принадлежность Канта Петербургской Академии наук, в один год с которой он родился, а нечто большее: глубинную связь между учением Канта и сокровенными помыслами корифеев родной культуры. Достаточно назвать два имени — Достоевский и Толстой.

Толстой, который более чем прохладно относился к Гегелю, буквально бредил Кантом. Ему во сне являлись кантовские афоризмы, он был убежден, что его воззрения совпадают с кантовскими, он считал делом величайшей важности популяризацию философии Канта и принимал в этом деятельное участие. За что же любил Толстой Канта?

Русскому писателю остались чуждыми поиски немецкого философа в области теории научного знания. (Хотя он, конечно, с удовлетворением мог бы принять тезис Канта о границах и тупиковых ситуациях в науке.) Кант говорил, что две вещи наполняют душу все новым и более сильным удивлением и благоговением — звездное небо над нами и моральный закон внутри нас. Толстой смотрел на небо только взором художника, Кант устремлял во Вселенную пылкий взгляд ученого. Но с годами Кант все больше обращался к другой проблеме, которая становилась для него центральной.

Это проблема человека. Подлинный пафос философии Канта — гуманизм, любовь к человеку, озабоченность его судьбой, стремление наилучшим образом устроить дела человеческие. В кантовской «Логике» (1800) читаем: «Поприще философии в этом широком значении можно подвести под следующие вопросы:

- 1) Что я могу знать?
- 2) Что я должен делать?
- 3) На что я могу надеяться?
- 4) Что такое человек?

На первый вопрос отвечает метафизика, на второй мораль, на третий религия и на четвертый антропология. В сущности, все это можно было свести к антропологии, ибо три первых вопроса сводятся к последнему»!

«Антропология» Канта (1798) — не случайный привесок к его трансцендентальной философии, а своего рода ее квинтэссенция. Структура «Антропологии» (первой, главной ее части) совпадает с общей системой философии Канта, как она изложена в конце введения к «Критике способности суждения». Антропологическая «дидактика» распадается на три части в соответствии с тремя способностями души — познанием, чувством удовольствия и способностью желания. Именно эти три способности определили в свое время содержание трех кантовских «Критик». В «Антропологии» идеи критической философии непосредственно соотнесены с миром человека.

Итак, что такое человек? Это «самый главный предмет в мире» (6, 351). Сказано ясно и выразительно. Сопоставим данное высказывание с другим, из «Критики практического разума»: «Человек есть цель сама по себе, т. е. никогда никем (даже богом) не может быть использован только как средство» (4(1), 465) — и мы поймем, что перед нами концепция.

Интерес к человеку пробудил у Канта Руссо. Под влиянием Руссо во взглядах Канта происходит первый и наиболее знаменательный перелом. Он решает посвятить себя «науке, действительно нужной человеку, науке о том, «каким надо быть, чтобы быть человеком» (2, 206). Быть человеком, по Канту, значит быть свободным. Ибо природа человека — его свобода.

Кант уверял, что основной вопрос, на который дает ответ «Критика чистого разума», — как возможны синтетические суждения априори? Но подспудно звучит другой вопрос — как возможна свобода человека? На закате дней своих философ признавался, что его главный труд по гносеологии возник из потребности решить антиномию человеческой свободы. Свобода есть, но где она? В мире «явлений» мы ее не обнаружим, человек свободен только в мире «вещей самих по себе». Дуализм Канта — это своеобразная попытка оправдать амбивалентность поведения человека в антагонистическом обществе, где приходится приноравливаться к обстоятельствам, а нравственное поведение требует героизма. И между прочим, проблема идеальности времени, столь шокирующая материалистически мыслящий ум, введена Кантом по тем же соображениям: время — это порядок вещей, над которым никто не властен, это генетическая связь состояний. Свобода требует проявления самовластия человека. Поэтому, если время присуще вещам самим по себе, свобода невозможна. Только потому, что в интеллигибельном мире нет железного сцепления причин и следствий, нет времени, возможна причинность особого рода — «через свободу», которая только и делает человека моральным существом. Вот почему Александр Блок написал стихотворение «Иммануил Кант» под влиянием размышлений именно над трансцендентальной эстетикой, т. е. тем разделом «Критики чистого разу-

ма», где речь идет о пространстве и времени. К этому разделу было приковано внимание и Андрея Белого. Разуверившись в возможности обрести истину в «Критике чистого разума», Белый воскликнул:

Оставьте.. В этом фолианте
Мы все утонем без следа!
Не говорите мне о Канте!
Что Кант?.. Вот есть Скворода!
Философ русский, а не немец!

И Белый обратился к мистицизму, столь чуждому философии Канта.

Впрочем не было никакой необходимости «тонуть в фолианте», т. е. в «Критике чистого разума», где проблема человека присутствует в неявной форме. Все, что Кант думал о назначении человека, его правах и обязанностях, он изложил доходчиво и убедительно в «Критике практического разума». Обязанности — следовать долгу, свобода — это выполнение долга. Права — быть целью, а не средством; никто не может использовать человека как средство. Человек — это не просто трансцендентальное единство апперцепции, осуществление принципа «я мыслю», в этом случае он только «лицо». Но человек должен быть «личностью», обрести предикат свободы, т. е. понимание долга и силу для того, чтобы ему следовать.

Однако, проштудировав обе первые «Критики», мы еще не получим полного представления ни о кантовской философии в целом, ни даже о том, что Кант решает проблему человека. Обе первые «Критики», хотя и связаны в единое целое, но пропасть между двумя мирами — природой и свободой, наукой и нравственностью — все же не преодолена до конца, «мост» между ними отсутствует. Философия Канта в этих работах лишена еще одной из главных своих особенностей — систематичности.

Система философии возникает у Канта позднее. К ней Кант приходит, пережив еще один довольно значительный перелом в воззрениях. Оставаясь в целом на позициях критицизма, философ в конце 80-х годов (на рубеже своего шестидесятилетия) меняет свои воззрения по целому ряду существенных для него вопросов. Разница столь разительна, что можно говорить о двух критических периодах его творчества.

Прежде всего это затрагивает отношение Канта к метафизике. В конце «Критики чистого разума», как известно, содержится обширная программа теоретической (спекулятивной) философии, построенной на сверхчувственном знании. Кант не выполнил этой программы. Более того, он от нее отказался. Кант приходит к выводу, что метафизика как теоретическая дисциплина невозможна. Метафизические предметы — бог, бессмертие души, свобода — используются человеком практически в его поступках. Метафизика возможна только как метафизика

нравов. Истина — не в знании, а в поведении. Именно за это чтит Канта Лев Толстой.

Другая проблема, претерпевшая коренную переинтерпретацию — интуиция. Считается, что Кант изгнал из философии это понятие (оставив интуиции лишь сферу чувственного познания). На самом деле он изгнал только термин. Уже в «Критике чистого разума» наряду с чувственной интуицией речь идет об особой интеллектуальной способности — применять рассудочные понятия к тому или иному конкретному случаю. Кант называет ее «способностью суждения», природной смекалкой: речь идет об интуиции. В «Критике практического разума» появляется новая интуитивная способность — «практическая способность суждения», определяющая поведение. Но коренным образом понятие «способность суждения» пересматривается написанием «Критики способности суждения». Появляется понятие «рефлексивная способность суждения» — отыскание общего к данному частному. В этой процедуре важное место отводится «эстетической способности суждения», которая при ближайшем рассмотрении оказывается тем, что мы называем теперь художественной интуицией.

Открыв «эстетическую способность суждения», Кант приходит к выводу о возможности создания философской дисциплины, трактующей проблемы красоты и изящного искусства. В свой первый критический период он полагал, что эстетика как наука невозможна. Термином «эстетика» он обозначал учение о чувственном познании, об идеальности пространства и времени. Теперь он создает эстетику как теорию красоты. Ей посвящено основное содержание «Критики способности суждения».

Только в этой «Критике» мы находим систему философии Канта. Во введении она изложена схематично. Перед нами своеобразная триада (но ни один из членов ее не «снимает» другого, система Канта статична). В основу положены способности человеческой души — познавательная, волевая и так называемое «чувство удовольствия и неудовольствия». Первые две способности ведут к первым двум «Критикам», и здесь в общем все ясно. Но что такое «удовольствие и неудовольствие», вклинившееся между познанием и практикой, наукой и нравственностью? Кантовское понятие не следует смешивать с фрейдистским принципом удовольствия, животной жаждой наслаждения. Кант различает патологическое и моральное удовольствие. Последнее для него равнозначно понятию культуры. Другими словами, чувство удовольствия и неудовольствия означает, выражаясь современным языком, ценностную эмоцию. На этом чувстве, на этой эмоции основана эстетическая способность суждения (художественная интуиция), создающая искусство в качестве среднего члена между свободой и природой.

Так Кант пришел к своеобразному преодолению дуализма науки и нравственности путем апелляции к художественным потенциям человека. Формула философской системы Канта — истина, добро и красота, взятые в их единстве, замкнутые на человеке, его культурном творчестве, которое направляет художественная интуиция. Искусство — ядро культуры.

Культуру Кант отличает от цивилизации и этим вносит ясность в проблему, сложность которой не заметили его предшественники. Под культурой понимали все, содеянное человеком в противовес природе, «натуре». Так ставил вопрос Гердер, создавший грандиозный очерк теории культурного развития общества («Идеи к философии истории человечества»). Между тем было ясно, что человек многое делает из рук вон плохо, не «превосходит природу», а уступает ей. Впоследствии возникнут социологические теории культуры, которые приравняют ее к идеальному функционированию системы, к профессиональному уменью. В такой постановке вопроса есть тоже слабое место: вполне профессионально можно, например, убивать людей. Кант поэтому ставит вопрос строже: культурой он называет только то, что служит благу человека, систему гуманистических ценностей (если использовать современную терминологию).

«Культуре умения» Кант противопоставляет «культуру воспитания». Внешний «технический» тип культуры он называет цивилизацией. Кант видит бурное развитие цивилизации и тревожно отмечает ее отрыв от культуры. Последняя тоже идет вперед, но гораздо медленнее, эта диспропорция является причиной многих бед человечества.

Культура противостоит «натуре», но есть между ними глубинная черта сходства — органическое строение. «Вторая природа», как и «первая», не просто существует, она живет. Взгляните на произведение искусства. В свое время Робинэ, увлеченный идеей живого организма как особой системы, иронизировал, что произведения искусства не растут, их создают по частям, каждая часть уже готова, когда ее присоединяют к другим частям, произведения искусства не производят себе подобных — еще никогда не приходилось наблюдать, чтобы какой-нибудь дом произвел на свет другой дом.

Кант с этим не спорит; он просто подметил другое: «При виде произведения искусства надо сознавать, что это искусство, а не природа; но тем не менее целесообразность в форме этого произведения должна казаться столь свободной от всякой принудительности произвольных правил, как если бы оно было продуктом одной только природы» (5, 321). Попробуйте в художественном шедевре убрать или переставить какие-либо части, эффект будет такой же, как от подобной процедуры над живым организмом.

Где еще в обществе Кант находит органическую структуру? В государстве! Нормально функционирующее государство пред-

ставляет собой органическое целое. «Каждое звено в таком целом должно, конечно, быть не только средством, но в то же время целью и, содействуя возможностям целого, в свою очередь должно быть определено идеей целого в соответствии с своим местом и своей функцией» (5, 400).

Это был новый взгляд на государство. Просветители (Лессинг, Гердер) видели в последнем лишь механизм, машину, враждебную человеку, а потому обреченную на слом. Кант разглядел в государстве культурное начало, без которого не может существовать человеческое общежитие. При этом он был далек от любой идеализации государства (чем потом грешил Гегель). Государство должно служить человеку (а не наоборот).

Здесь, как и в вопросах науки, пути Канта и Толстого решительно расходятся. Для Толстого государство — шайка разбойников и ничего больше. Кант не идеализирует государство, но возлагает все же на него надежды. Государство делает дело, нужное человеку, — обеспечивает его безопасность. Задача состоит в том, чтобы усовершенствовать государство (по Канту, разумеется, только путем реформ), довести его до идеала правового строя. И (что особенно актуально звучит сегодня) установить отношения между государствами путем договора. В трактате «К вечному миру» Кант намекает на то, что рано или поздно, но вечный мир на Земле наступит. Либо путем международного договора, либо на всеобщем кладбище человечества. Остается только выбрать. У народов, как и у индивидов, всегда есть свобода выбора.

И еще один культурный организм называет Кант — нацию. Все подданные государства составляют народ, который, однако, распадается на две части. Только та часть, которая представляет собой гражданское целое, объединенное общностью происхождения, общностью культурных традиций, есть нация. Все остальное, живущее вне этих традиций, — чернь, сброд. Кант различает прирожденный, естественный характер народа и те дурные привычки, которые навязаны нации в результате постороннего вмешательства в ее жизнь. Нацию можно испортить. Таковы, по мнению Канта, современные греки с их «легкомысленным и пресмыкающимся характером», возникшим как прямое следствие гнета турок. Культуре противопоказана и ассимиляция народов. «Смешение племен (при больших завоеваниях), которое постепенно стирает характеры, вопреки мнимой филантропии, мало полезно человеческому роду» (6, 573).

Человечеству вообще мало пользы, а культуре большой вред от любой попытки произвольно изменить сложившуюся органическую структуру и естественное развитие общества. В статье «Конец всего сущего» Кант говорит о возможности противоестественного (извращенного) конца все сущего, «ко-

торый мы вызовем вследствие неправильного понимания нами конечной цели»². Речь идет о тех насильственных мерах, которыми прусское правительство пыталось ограничить свободу печати и укрепить положение церкви. Обращаясь к властям преемствующим, он советует «оставить все в том состоянии, которое уже сложилось и на протяжении почти поколения сносно проявило себя в своих последствиях»³. Совет продиктован политическими соображениями, но выходит за их рамки, отражая общие взгляды философа на проблему культуры не только как творчества, но и как устойчивой традиции.

Итак, основная проблема для Канта — человек. Проблема имеет две стороны — личность и общество. Кант возносит человека на небывалую дотоле высоту, но одновременно предъявляет к нему и небывалые требования. Он намерен реформировать общество, не конструируя, однако, никаких утопий. Его рецепты абстрактны, но зато вполне реалистичны.

---

¹ Кант И. Логика. Пг., 1915, с. 16.

² Кант И. Конец всего сущего.— «Философские науки», 1973, № 6, с. 112.

³ Там же.